

ТИМОФЕЕВА Лидия Николаевна –

д.полит.н., председатель правления РАПН, вице-президент АПН; профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС

Timofeeva@rane.ru

РОССИЯ В ПОИСКАХ СУБЪЕКТНОСТИ

В статье поднимается вопрос о механизме становления новой субъектности россиян через ломку советского этоса и переход к российскому. Эта ломка идет не только в социетальной системе, но также во внесистемных образованиях, объединенных общим названием «жизненный мир», включающих все многообразие человеческого бытия, жизненных практик «простых» людей. Она идет также через управление человеческим поведением посредством слова, употребляемого больше в отрицательном значении, – посредством стигматизации.

Ключевые слова: этос; этнос; этносная политика; стигматизация; жизненный мир.

The article considers the mechanism of formation of a new self-determination of Russians through the break-up of the Soviet ethos and transition to the Russian one. Breaking of old ethos happens not only through changes in the societal system, but also in non-system entities, connected by common name of life world and including the diversity of human existence, life practices of ordinary people. It also goes through the management of human behavior by a word used predominantly in a negative sense, i.e. by stigmatization.

Keywords: ethos; ethnoses; ethos policy; stigmatization; life world.

Кто мы, россияне? Россия находится в поисках своей субъектности. Проблема конституирования российской идентичности в обновленном российском обществе назрела давно.

Ломка советского этоса остро поставила вопрос о его новом содержании в условиях формирования современного российского государства. И здесь немаловажную роль играет и новое наполнение понятия «российский этос», и новый содержательный симбиоз этоса и этноса, которые вместе могут породить либо великий смысл существования российского общества, либо великий ужас, который явило миру немецкое общество времен Веймарской республики. Каковы же черты механизма формирования нового этоса и этноса?

Этос в переводе с греческого – обычай, правила поведения, неписанный кодекс общепризнанных правил поведения сословия, позволяющий человеку вести себя таким образом, что другие люди признают его поведение достойным. Этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами, стабильными особенностями культуры, языка и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознание). Этнос и этос связаны между собой, но не всегда. Например, когда говорили: «русский характер», то, как правило, подразумевали и этнос – национальную особенность, и этос – общеграж-

данскую идентичность. Вспомним рассказ А.Н. Толстого «Русский характер» о танкисте Егоре Дремове, который заканчивался словами: «Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила – человеческая красота». Когда говорили: «советский человек», то имелся в виду этос с вполне конкретным набором общегражданских ценностей. Об этом говорит Моральный кодекс строителя коммунизма¹. Один из его авторов Федор Бурлацкий даже утверждал, что в основу его легли христианские заповеди², переложенные на современный лад.

Сравнительно недавно по поводу необходимости утверждения российского кодекса морали президент РФ сделал несколько заявлений. В частности, одно – в обращении к Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г., где он выразил сожаление, что во многих государствах пересматриваются нормы морали и нравственности и от общества требуют «обязательного признания равноценности добра и зла, противоположных по смыслу понятий», и выступил за утверждение ценностей консервативных. Второе – через неделю, 19 декабря 2013 г., на пресс-

¹ Моральный кодекс строителя коммунизма как часть текста третьей программы КПСС был утвержден XXII съездом партии в 1961 г.

² Судьба дала мне шанс. Беседа с Ф.М. Бурлацким. 2007. – *Российский адвокат*. № 5.

конференции для российских и иностранных журналистов, в котором В.В.Путин сказал, что необходимо развивать традиционные ценности как замену коммунистической идеологии.

Очевидно, что новые «заповеди россиянина» еще предстоит написать, ибо как коммунистические тексты, так и христианские заветы требуют серьезного и вдумчивого прочтения и понимания. И кроме того, современного осознания таких ценностей, как свобода, справедливость, человеческое достоинство и т.д.

Этос и этнос, безусловно, являются мощными факторами формирования субъектности России и россиян. Когда-то этноним «русские» вполне соответствовал понятию «российский», т.е. сюда входили все люди, проживающие в Российской империи. Вспомним, русскими называли и еще продолжают называть нас за рубежом независимо от нашей национальности. Но сегодня в России «русский» и «российский» имеют вполне различные коннотации. Сегодня на заседаниях некоторых интеллектуальных клубов можно услышать, что либеральные ценности и националистические русские ценности вполне совместимы. Правда, им противостоят другие аргументы и напоминание о том, как немецкие либералы Веймарской республики, «пристрастившись» к ценностям национализма, проглядели приход нацистов к власти.

Как уже было подчеркнуто, формирование новой субъектности «россияне», или российского этоса, предполагает, прежде всего, дискурс о ценностях, которые определяются и типом политической системы, и особенностями культуры, в т.ч. политической. Однако хочу обратить внимание на то, что изменения в обществе обусловлены сдвигами не только в основных функциональных подсистемах социального целого (системы), но также во внесистемных образованиях, объединенных общим названием «жизненный мир», включающих все многообразие человеческого бытия, жизненных практик «простых» людей. Это своего рода первичный социальный порядок, который выполняет двойственную функцию: выступает как среда укоренения индивидов в социуме и участвует в конституировании и воспроизводстве общества в качестве первичного социального порядка.

В последнее время выходит немало

серьезных исследований, посвященных ответу на вопрос: «кто мы, россияне?». Один из авторов разделяет ценностные ориентиры, или идеалы, человека, народа на три группы. В первый ряд входят идеалы, связанные с повседневной действительностью: семья, дом, материальное благополучие, счастье детей, карьера, здоровье и т.д. Второй ряд состоит из общественных идеалов: государство, нация, общественный строй. В третий ряд помещаются высшие, «небесные» идеалы, связанные с высшей божественной силой, которая, в свою очередь, конкретизируется в ряде понятий нравственного характера – добро, красота, любовь [Бергер, Лукман 1995]. Люди во все времена пытались найти гармонию между ними, хотя не всегда это им удавалось. Чаще в реальной жизни совпадали идеалы первого и второго ряда. Гораздо реже земные идеалы оказывались в гармонии с небесными [Перевезенцев 2007]. В конечном счете, Запад нашел простое решение дилеммы – земля или небо. Любое земное деяние, приводящее человека к успеху, оказывается автоматически освящено Божественным светом. Этот комфортный духовный компромисс оказался живучим и ныне составляет основу западной цивилизации, западного этоса.

Русский этнос и российский этос изначально складывались не на основе личного успеха человека (личного спасения), а на основе всеединства, спасения всего мира. Именно на эту почву легли идеалы коммунизма как строительства царства Божьего на земле. Однако после краха коммунистического проекта началась ломка и советского этоса и этноса.

Ряд исследований современной российской молодежи показывают, что для нее личный успех становится главной ценностью. Для кого-то это сигнал перекройки российского этоса на неолиберальный и западный манер. Английский язык, как когда-то французский (кстати, по лекалам французской революции производилась и революция русская), в условиях глобализации и изменения мировой политической системы становится вторым родным языком россиян. Рефреном звучат в ушах слова П.Я. Чаадаева о вторичности российской общественной мысли. Впрочем, парадоксальность мыслительной работы Чаадаева известна. С одной стороны, он убеждал Панову во вторичности рус-

ского общественного сознания, с другой — утверждал, что ничего зазорного в заимствовании чужих хороших идей нет. С третьей — именно ему принадлежит мысль: миссия России состоит в том, чтобы соединить цивилизации Востока и Запада [Чаадаев 1991].

Этос и этнос складываются под воздействием официальной этосной и этносной (национальной) политики, осуществляемой государством, и неофициальной этосной и этносной политики, осуществляемой различными общественными и политическими организациями и даже отдельными людьми — лидерами мнения (авторитетными политиками, писателями, деятелями науки, искусства и т.д.), модой, различными философскими, этическими, эстетическими течениями. В связи с этим она может носить как институциональный, так и неинституциональный характер. Официальная политика, осуществляемая государством и его воспитательными, культурными и юридическими, карательными институтами, ведет к созданию гражданского этоса и этноса и идентичности. Примером может служить Советское государство, мобилизовавшего огромные ресурсы, пропаганду и агитацию, монументальное искусство, живопись, литературу для создания советского этоса, советского, социалистического образа жизни. Вспомним известные строчки В.В. Маяковского из стихотворения «Бродвей» (1925): «Я в восторге от Нью-Йорка города./ Но кепчонку не слеру с виска./ У советских собственная гордость:/ На буржуев смотрим свысока». Или: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

Таким же примером может служить уже антисоветская направленность постсоветской политики Российского государства, начиная с 90-х гг. XX в., для развенчания советского этоса и внедрения нового, российского этоса. Отсюда появление обидного ярлыка «совок», «совковый» для групп, продолжавших идентифицировать себя с советским, и разложение «советских граждан» на «лиц кавказской, азиатской и других национальностей». И здесь нельзя обойти вопрос о стигматизации сознания.

Стигма в Древней Греции — это клеймо, которое наносилось на тело раба или преступника. В современной социологии под стигмой понимается знак, ярлык, наве-

шиваемый обществом на делинквентов («преступник», «правонарушитель», «криминал», «зэк», «насилник» и т.д.) с целью их уничтожения, выражения общественного презрения и, самое главное, — соответствующей новой социальной идентификации и стратификации. В действительности стигматизация заключает в себе более общий смысл — это прием управления человеческим поведением посредством слова, употребляемого в положительном или в отрицательном значении. Вспомним, какую роль в этосной политике фашистской Германии играл ярлык *jude* или при Сталине в Советском Союзе — «враг народа». Сегодня такой стигмой является ярлык «совок». Стигматизация является действенным приемом влияния на поведение субъекта и в большой политике, и в частной жизни. Однако надо помнить, что резкие перемены в этосной структуре поведенческого репертуара — перестройка идеологии, мировоззрения, переезд или переход в иную стратификационную зону, изменение социального статуса, разрушение привычного — все это сопряжено с нравственными переживаниями людей, тяжелыми психическими травмами. Неофициальная этосная политика может совпадать с официальной и даже дополнять ее, но может и существенно расходиться с ней, как это было в царской России в начале XX в., в периоды подъема революционного движения (Русско-японская, затем Первая мировая и следующая за ней Гражданская войны), когда официальному самодержавному этосу стал противостоять революционный этос, всемерно культивируемый рядом политических партий.

Ясно, что основой механизма перековки старого этоса на новый является нигилизм. Немецкий философ Ф. Ницше, занимавшийся проблемами европейского нигилизма [Nietzsche 1974] второй половины XIX в. и утверждавший, что он является порождением декаданса и пессимизма, отмечал в психологии его становления 4 этапа. 1-й этап, или «период неясности», когда предпринимаются всякого рода попытки «консервировать» старое (под которым понималась вера в нравственные абсолюты) и не допустить продвижения нового (под которым понималось разложение морального сознания). 2-й этап, или «период ясности», когда люди уже понимают, что «старое и новое

– это фундаментальные противоположности»; что старые моральные ценности рождены нисходящей, а новые (аморальные, имморальные) – восходящей жизнью; «что все старые идеалы суть идеалы, враждебные жизни (декадансом рожденные и декадансом обуславливающие...)». Но, понимая старое, люди долго еще «недостаточно сильны для нового». 3-й этап – «период трех великих аффектов»: презрения, сострадания и разрушения. 4-й этап – «период катастрофы», совершающейся под знаком «учения, которое отсеивает людей... побуждает слабых принимать решения точно так же, как и сильных» [Давыдов 1982]. Примерно то, что описывает Ницше, переживает сегодня и российское общество, как это было на переломе XIX и XX вв.

Но вот что интересно: у русских нигилистов конца XIX в. отрицание и разрушение старых форм человеческого существования приобрело пафос созидания общественного идеала. Вот как обозначил историческую роль нигилизма известный русский философ и критик Н.Н. Страхов: «Он имеет значение протеста, не всегда справедливого, но полезного уже

тем, что, с одной стороны, воздерживает от примирения со мною ложью и пошлостью, а с другой – нападками на истину вызывает ее приверженцев на более разумную, строгую, критическую ее проверку и защиту» [Страхов 1890]. А разве сегодня на Болотной площади и проспекте Сахарова мы не столкнулись именно с моральным протестом против лжи, манипуляции власти: «За чистые и честные выборы!»? Кстати, этот моральный протест по иронии судьбы объединил интернационалистов и националистов, либертарианцев чистой воды и коммуитаристов. И разве это не пограничная ситуация, заявляющая о запросе на новый этос, моральные и этические нормы? И здесь вопрос не в том, кто первый поставил этот вопрос, – власть или народ. Скорее важно зафиксировать, что проблема назрела, и это понимают все. Ее надо решать. Необходимо внимательно изучать механизм формирования нового этоса и еще более внимательно и осмотрительно формировать этосную политику, чтобы этот переход сопровождался как можно меньшими потерями для граждан и для страны в целом.

Литература

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 323 с.

Давыдов Ю. 1982. *Этика любви и метафизика своеволия (проблемы нравственной философии)*. – М.: Молодая гвардия, 287 с.

Перевезенцев С.В. 2007. *Русский выбор: Очерки национального самосознания*. М.: Изд. «Русский мир», 416 с.

Страхов Н.Н. 1890. *Истории литературного нигилизма. 1861–1865*. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 606 с.

Чаадаев П.Я. 1991. Апология сумасшедшего. – *Полное собрание сочинений и избранные письма*. – М.: Наука. Т. 1. 768 с.

Nietzsche F. 1974. *Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Herausgegeben von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. Achte Abteilung. Erster Band, Berlin – New York: W. de Gruyter.